

На главной улице по пути во дворец госпожа Ся была уличена в том, что учинила беспорядки и придиралась к непостоянной госпоже Вань и госпоже Шэнь. Благородная супруга Хуа, столкнувшись с ними, обвинила госпожу Ся в пренебрежении дворцовыми правилами и неуважении к титулованным наложницам, после чего приказала наказать её ударами красной длани. В настоящий момент наказание уже приведено в исполнение.

Су Пэйшэн доложил всё в подробностях, не осмелившись добавить ни слова от себя, и выложил Императору всю правду о сегодняшних волнениях в задних покоях.

Услышав это, Юнчжэн слегка постучал пальцами по краю кушетки и на мгновение замолчал:

— Императрица столько лет управляет шестью дворцами, но даже не смогла навести порядок в рассадке новоприбывших на утреннее приветствие, позволив этим девицам нарушить иерархию. Если это станет известно, не подумают ли чиновники и члены императорского рода, что хозяйка дворца утратила контроль и правила стали слишком мягкими?

Он всегда придавал огромное значение законам предков и субординации. Императрица, которая когда-то была его боковой супругой, а затем возвысилась, всегда была особенно озабочена приличиями. Тот факт, что она не смогла соблюсти даже такие базовые установления, не мог не вызвать у него недовольства.

Су Пэйшэн не посмел ответить, лишь опустил голову, затаив дыхание.

Император вспомнил о Чжэнь Хуань. Только что Су Пэйшэн сказал, что она остра на язык и ни на шаг не отступила, когда перечила Благородной супруге Хуа.

При первой встрече он действительно заинтересовался ею из-за того, что в её чертах лица промелькнуло нечто, напоминающее Чуньюань. Он даже хотел даровать ей Беседку Осколков Нефрита, но лишь после того, как Благородная супруга Хуа просмотрела списки, её адрес сменили на другую обитель. Он полагал, что раз у этой девушки есть часть облика Чуньюань, то должен быть и её кроткий, сдержанный и утончённый нрав.

Но сегодняшний ответ — этот дух соперничества — был совершенно не похож на поведение Чуньюань в те годы.

На губах Императора появилась едва заметная тень разочарования, а в голосе прозвучала грусть:

— В конце концов, похожа лишь оболочка, а дух совсем иной. Чуньюань в своё время была такой мягкой и знающей приличия, она никогда не позволила бы себе вот так публично состязаться в красноречии, теряя достоинство.

Императрица Чуньюань была вечным белым светом в его сердце, никем не заменимая, и то,

что Чжэнь Хуань, имеющая с ней внешнее сходство, совершила подобный поступок, лишь вызвало у него раздражение.

Эти мелкие, повседневные события всё больше выводили Императора из себя. Он поднял взгляд на зелёные именные таблички, которые принёс Евнух из Палаты по делам наложниц. Взгляд скользнул по именам, пока не остановился на той, что была подписана как Наложница Вэнь.

Император коснулся пальцем таблички, и его голос прозвучал спокойно, когда он определил, кто будет услаждать его сон этой ночью:

— Давай перевернём табличку Наложницы Вэнь.

Су Пэйшэн поспешно поклонился и ответил:

— Слушаюсь! Сейчас же отправлю людей во Дворец Яньси передать указ!

Про себя он тревожился: станет ли отправка Цзинь Си в Беседку Осколков Нефрита благом или бедой.

Во Дворце Яньси Ань Линжун сидела у окна, перелистывая сборник дворцовых правил.

Бай Чжи бесшумно вошла в покои и только собралась заговорить, как снаружи раздался пронзительный голос евнуха:

— Императорский указ! Сегодня ночью Наложница Вэнь будет услаждать сон Императора. Дворцу Яньси надлежит немедленно приготовиться!

Пальцы Ань Линжун, сжимавшие книгу, на мгновение замерли, и она медленно подняла взгляд.

Бай Чжи, удивлённая и обрадованная, поспешно шагнула вперёд:

— Госпожа! Император первым выбрал вашу табличку! Это величайшая милость!

Снаружи шаги евнуха, возвестившего указ, затихли. Слуги и евнухи Дворца Яньси опустили на колени, их лица выражали глубокое почтение.

Когда карета Феникса доставила Ань Линжун к задним покоям Дворца Янсинь, Цин Лань

помогла ей совершить омовение. Комната наполнилась влажным паром и тонким ароматом орхидейного масла.

Вся утварь была предоставлена Внутренним ведомством согласно рангу наложницы — новая и чистая. Бай Чжи всё тщательно проверила, не оставив следов чужих рук. Цин Лань хотела нанести ей макияж и добавить украшения, но Ань Линжун остановила её, попросив лишь заколоть волосы в простую причёску.

Внешность Ань Линжун напоминала скромный белый цветок. В прошлой жизни именно такой типаж пришёлся по душе Юнчжэну, позволив ей, девушке низкого происхождения, получить титул наложницы, даже не имея детей.

Ещё в доме семьи Линь она тщательно поработала над своим здоровьем, и теперь её кожа стала ещё светлее и нежнее. Она выглядела как красавица, создающая особое настроение.

Две опытные служанки принесли плотное стёганое одеяло из простого мягкого шёлка, тщательно укутали её с головы до ног, оставив открытым лишь чистое, нежное лицо. Волосы мягко обрамляли щёки, никаких лишних украшений не было.

Евнухи бережно внесли её в спальню во внутренних покоях Дворца Янсинь и осторожно положили на край драконьего ложа, застеленного ярко-жёлтыми мягкими матрасами. Затем они бесшумно отступили и закрыли двери.

В комнате горели лишь два светильника, свет был тусклым. Ань Линжун тихо ждала Императора, соблюдая правила.

Вскоре послышались лёгкие шаги, сопровождаемые низким голосом Су Пэйшэна: Император, ступайте осторожнее. Дверь приоткрылась, и в спальне остались только она и Юнчжэн.

Занавесь у кровати слегка шевельнулась — Император медленно приблизился.

Сердце Ань Линжун слегка дрогнуло. Она лишь слегка повернула лицо, её голос прозвучал мягко и нежно, подобно лёгкому ветерку, когда она робко позвала:

— Император.

Этот тихий призыв, ни громкий, ни тихий, как раз достиг ушей Юнчжэна.

Его шаги замедлились.

Теперь, когда она была совсем рядом, её голос — нежный и чистый — показался ему на семь или восемь десятых похожим на голос Императрицы Чуньюань.

Выражение лица Юнчжэна, до этого немного утомлённое, невольно смягчилось, а голос стал тише:

— Не бойся, я рядом.

Ань Линжун, укутанная в одеяло, лишь тихо ответила:

— Да.

На её голове не было ни единого украшения. Тёмные волосы рассыпались по плечам, кожа сияла нежностью, а черты лица были утончёнными.

Юнчжэн сел на край кровати, его взгляд задержался на её лице, и он тихо спросил:

— Это ты сегодня во Дворце Цзинжэнь напомнила Цзянь Цю?

Ань Линжун слегка опустила глаза, её голос прозвучал мягко и правдиво:

— Возвращаясь к словам Императора, наложница просто побоялась нарушить порядок, установленный предками. Это не было вмешательством в чужие дела, я лишь не хотела, чтобы Император стал предметом кривотолков среди сородичей из-за пустяка.

Юнчжэн слегка кивнул, чувствуя себя всё более удовлетворённым.

За свою жизнь он повидал немало властных и коварных женщин, поэтому теперь больше ценил тех, кто был тихим, кротким и знал своё место. К тому же этот голос был так приятен слуху, что накопившееся за день раздражение почти рассеялось в одно мгновение.

— Ты очень разумна, — сдержанно похвалил он, и в его голосе прозвучало искреннее облегчение.

Юнчжэн нежно погладил Ань Линжун по щеке, отмечая, какая она гладкая.

В спальне больше не прозвучало ни слова, остались лишь тусклый свет ламп и атмосфера близости.

На рассвете, когда небо только начало светлеть, слуги тихо вошли в покои, чтобы помочь Императору собраться к утреннему выходу. Юнчжэн уже был умыт и одет в ярко-жёлтые придворные халаты, вернув себе облик холодного и величественного правителя.

Ань Линжун послушно опустилась на колени у кушетки, совершая утренний поклон, а затем

поправила халат Императора:

— Наложница просит благополучия для Императора.

Император опустил взгляд на неё. В гареме было много соблазнительных красавиц, но мало тех, кто был послушен и не создавал хлопот. Встретить такую женщину, которая была ему по душе, — большая редкость.

Он поднял руку, делая знак Су Пэйшэну подойти:

— Наложница Вэнь, из рода Линь Цзя, происходит из семьи верных и доблестных мужей. Войдя во дворец, она проявила достоинство, уважение к правилам, чистоту нравов и чуткость. С этого дня возвести её в ранг Наложницы Вэнь, даровать ей право проживания в главных покоях Дворца Яньси.

В глазах Ань Линжун промелькнуло изумление, которое тут же сменилось глубоким волнением. Она поспешно склонилась до земли:

— Наложница благодарит Императора за великую милость. Я недостойна и не обладаю особыми талантами, чтобы заслужить такое повышение. Отныне буду вести себя тихо и скромно, чтобы не подвести заботу Императора.

Она лишь неукоснительно придерживалась своего места, и этот облик пришёлся Юнчжэну ещё больше по душе.

— Семья Линь из поколения в поколение славилась верностью, а ты — разумная и чуткая. Ты заслуживаешь этой награды, — Юнчжэн сдержанно кивнул и перед уходом добавил: — Живи во Дворце Яньси спокойно, не нужно излишней скованности.

— Наложница будет помнить наставления Императора.

С этими словами Император уверенной походкой вышел из спальни. Свита уже была готова, и он отправился в Зал Высшей Гармонии на утреннее собрание.

Перед уходом Су Пэйшэн специально поклонился Ань Линжун с заискивающей улыбкой, в его взгляде читалось почтение — за одну ночь служения получить повышение до ранга наложницы! Стоит знать, что ранг наложницы означает статус хозяйки дворца, а если к этому прибавить внимание Императора, то эта Наложница Вэнь в будущем, несомненно, прочно закрепится в этом гареме.

С тех пор как пришёл указ о повышении из Дворца Янсинь после утреннего собрания, Дворец Янсинь преобразился.

Ань Линжун за одну ночь из младшей наложницы стала Наложницей Вэнь, заняла главные покои Дворца Янсинь, а её довольствие и убранство были заменены согласно регламенту для этого ранга.

Слуги Внутреннего ведомства лучше всех умели приспосабливаться к ветру: то, что раньше выдавалось по расписанию, теперь привозили целыми возами — лучшие ткани из Цзяннани, новая утварь из чистого золота, дефицитный серебряный уголь для зимних дней.

Бай Чжи и Цин Лань принесли новую одежду, предназначенную для ранга наложницы, и, не скрывая радости, тихо произнесли:

— Госпожа, Император так милостив к вам! За одну ночь вы возвысились, Внутреннее ведомство прислало новую одежду.

Ань Линжун сидела перед зеркалом, поправляя прядь волос. Наряд из лунно-белого мягкого шёлка подчёркивал нежность её кожи, а взгляд оставался спокойным и кротким.

Только она хотела ответить, как снаружи евнух почтительно доложил:

— Докладываю Наложнице Вэнь: по воле Императора сегодня ночью вы снова призываетесь услаждать его сон.

Глаза Бай Чжи засияли, а Ань Линжун отдала распоряжение:

— Готовьтесь по правилам.

В последующие три дня Юнчжэн каждую ночь переворачивал именную табличку Ань Линжун. Такого проявления милости среди вновь прибывших госпож ещё не видели.

Придворные дамы шептались меж собой, говоря, что госпожа из рода Линь происходит из знатной семьи, к тому же мягка и разумна, а значит, пришлась Императору по сердцу и будет блистать ещё долгое время.

Спустя три дня мысли Императора всё же переменились.

Юнчжэн всегда придерживался принципа распределения своей милости, поэтому, уделив время Наложнице Вэнь, он решил перевернуть таблички и других новых наложниц.

Госпожа Борджигит из Монголии изначально была символом примирения двора с монгольскими племенами, и её прибытие во дворец несло на себе печать важности для государства. Император вызвал её лишь на одну ночь, а на следующий день издал указ о присвоении ей титула Наложницы Сян, уравнив в ранге с Ань Линжун.

Однако это было лишь показное милосердие, чтобы умиловать монгольские племена. После той ночи Юнчжэн больше не переступал порога её спальни, словно возведя её на пьедестал как некий счастливый талисман гарема.

После того как очередь дошла до всех новичков, самой печальной фигурой в гареме стала непостоянная госпожа Вань, Чжэнь Хуань из Беседки Осколков Нефрита.

В тот день на главной улице Благородная супруга Хуа приказала наказать Ся Дунчунь красной дланью. Её пронзительные крики разносились по дворцовым коридорам. Чжэнь Хуань, став свидетельницей этой жестокости, возвращалась в Беседку Осколков Нефрита бледная, вся дрожа.

В ту же ночь у неё поднялся жар, который никак не проходил, сердце её было полно страха. На следующее утро она велела передать табличку с просьбой прийти Вэнь Шичу, и, сославшись на потрясение, объявила себя больной, закрывшись в своих покоях и перестав участвовать в дворцовой жизни.

К тому же, её уже лишили полугодового жалования по приказу Благородной супруги Хуа. Теперь, когда она была больна и лишилась милости, люди из Внутреннего ведомства начали попирать её, урезав всё положенное довольствие.

Серебряный уголь, который поставляли раньше, заменили на влажный чёрный, от которого в комнате стоял густой дым, но он не мог разогнать холод.

Слуги и евнухи, видя, что хозяйка утратила влияние, ленились служить: днём прятались, чтобы бездельничать, а ночью рано гасили свет, даже не желая как следует варить лекарства для Чжэнь Хуань.

Хуаньби не выдержала и побежала в Внутреннее ведомство спорить, но управляющий евнух лишь насмешливо бросил:

— Всего лишь госпожа без милости, а ещё смеешь привередничать? Радуйся, что вообще есть что есть! Не видишь, в каком ты теперь положении!

Лючжу принесла остывшее лекарство, её глаза покраснели. Она посмотрела на Чжэнь Хуань, сидевшую у окна, укутанную в тонкое одеяло, и, всхлиывая, произнесла:

— Госпожа, это ведомство зашло слишком далеко... Неужели мы... неужели мы будем и дальше

терпеть?

Чжэнь Хуань сжала край окна, её взгляд был полон печали и отчаяния. Она надеялась найти во дворце хоть немного покоя, но оказалось, что гарем — это логово дракона и тигра.

Она тихо покачала головой, её голос звучал хрипло и устало:

— Терпи. В этом глубоком дворце, если не терпеть, что ещё остаётся? Старшая сестра Мэй сейчас сама не окружена особой заботой, как бы мне не навлечь на неё беду.

В сравнении с упадком Беседки Осколков Нефрита, дела у госпожи Шэнь, Шэнь Мэйчжуан, жившей во Дворце Сяньфу, шли спокойнее, хотя особой милости она также не видела.

Шэнь Мэйчжуан была скромной и серьёзной, происходила из семьи учёных, и после входа во дворец Император посещал её лишь пару раз, но пылкой любви не было — всё шло тихо и безмятежно.

С появлением милости к Ань Линжун Юнчжэну не требовалось продвигать Шэнь Мэйчжуан, чтобы сдерживать Благородную супругу Хуа, поэтому чести управлять дворцовыми делами у неё не было.

Император изредка дарил ей обычные шёлка или украшения, никогда не выказывая особого предпочтения. Хотя Внутреннее ведомство не осмеливалось урезать её довольствие, но и служить ей усердно не торопилось.

Шэнь Мэйчжуан была горда и проводила дни за чтением книг и каллиграфией, ни с кем не соперничая за милость, лишь иногда навещая Чжэнь Хуань.

Во Дворце Яньси Цин Лань вернулась снаружи и тихо доложила о том, что происходит в Беседке Осколков Нефрита и Дворце Сяньфу, вздохнув:

— Госпоже Вань действительно не повезло, сейчас её довели до такого состояния.

Ань Линжун лишь ответила:

— В глубоком дворце всегда так: тех, кто наверху — почитают, тех, кто внизу — топчут. Милость переменчива.

Чтобы заставить Чжэнь Хуань страдать, нужно понять, что больше всего ранит человека,

который считает себя исключительным. Конечно, это посредственность — когда она не может смириться, но и ничего не в силах изменить.

Раз она хочет избежать милости, пусть избегает её вечно.

Такая жизнь продолжалась до самого новогоднего пира.

Настал канун Нового года. Запретный город был украшен фонарями, красные ленты отражались на белом снегу, во дворцах сияли свечи — повсюду царило оживление.

Ань Линжун в домашнем наряде цвета камня с вышитыми орхидеями сидела в тёплых покоях, заваривая чай. Цин Лань рядом разбирала списки довольствия на будущий год.

Она, конечно, не пошла на пир, заранее испросив позволения у Императрицы.

Сегодня была новогодняя ночь, и она лучше всех знала, что в оригинале истории Чжэнь Хуань тайком проберётся в Сад Мэй, чтобы помолиться, прочитав стихи: «Если ветер понимает замысел, пусть не ломает нежные цветы». Император случайно услышит её, и так произойдёт их первая встреча.

В этой жизни она ни за что не позволит Чжэнь Хуань воспользоваться этим шансом.

После наступления темноты Ань Линжун отпустила слуг, оставив лишь одну ловкую старую служанку. Это был человек, которого семья Линь давно внедрила в Императорский сад — верная и надёжная, она подчинялась только ей.

— Сегодня ночью возьми двух человек и встань у дороги, ведущей из Беседки Осколков Нефрита в Сад Мэй, — Ань Линжун опустила глаза. — Если кто-то пойдёт в одиночку в сад, не задавай лишних вопросов, а просто останови под предлогом того, что в новогоднюю ночь запрещено ходить по дворцу без опознавательного знака. Заприте человека в подсобке у коридора до самого рассвета, не причиняйте вреда, но и не дайте слухам просочиться.

Старуха тихо ответила:

— Слушаюсь.

— Помни: нельзя выдать моё участие, делайте вид, что это просто ночной дозор, действующий по правилам.

— Слушаюсь.

Старуха бесшумно удалилась, и во Дворце Яньси вновь воцарилась тишина, будто ничего и не было задумано.

Тем временем в Беседке Осколков Нефрита.

Чжэнь Хуань, глядя на красивые вырезки из бумаги, которые сделал Сяо Юньцзы, и вспоминая своё положение, захотела тайком пойти в Сад Мэй помолиться за свою семью и за себя.

Она боялась чужих глаз и сплетен Внутреннего ведомства, поэтому не взяла с собой даже Хуаньби и Лючжу. Укутавшись в простой плащ, она воспользовалась темнотой и через боковую дверь Беседки Осколков Нефрита прокралась наружу, в одиночестве направившись к саду.

Добравшись до стены Сада Мэй, она увидела, что вокруг тишина, лишь благоухали сливы.

Только она собралась войти в ворота, как из-за колонн высочили две тёмные фигуры — это были стражники, присланные старухой по приказу Ань Линжун.

— Стоять! — сурово крикнул стражник. — Дворцовые правила строги! Глубокой новогодней ночью, без жетона и без сопровождения, кто ты такая, что смеешь нарушать запреты Императорского сада?

Чжэнь Хуань испугалась, но попыталась сохранить спокойствие:

— Я непостоянная госпожа Вань из Беседки Осколков Нефрита, пришла помолиться. Пропустите.

— Непостоянная госпожа Вань? — старая служанка, согласно инструкции, холодно произнесла: — Госпожа Вань уже много дней больна и не выходит из покоев, как вы можете быть здесь? Если вы называете себя госпожой, то где ваша служанка? Где жетон? Вы выглядите подозрительно, не шпионка ли вы, выдающая себя за наложницу?

Чжэнь Хуань потеряла дар речи.

Она действительно выбралась тайком и ничего не взяла, под плащом не было даже знака её статуса, рядом ни одного слуги. Как бы она ни объясняла, стражники признавали лишь правила, а не лица.

— Увести её и запереть в восточной подсобке! Утром выясним личность и решим, что делать!

Не дожидаясь возражений, стражники вежливо, но непреклонно проводили её к подсобке и заперли дверь.

Чжэнь Хуань осталась заперта одна, злая и напуганная, но ничего не могла поделать — теперь, когда она лишилась милости и была в опале, даже стражники смели удерживать её силой, и некому было подтвердить её личность.

В Саду Мэй падали лепестки слив, никого не было.

Вскоре послышались размеренные шаги. Юнчжэн в одиночестве решил прогуляться по Саду Мэй и увидел фигуру в простом синем платье.

Только он подошёл ближе, как заметил, что эта служанка беспорядочно срезает цветы, что-то бормоча под нос.

Юнчжэн остановился, сердце его дрогнуло, и он спросил:

— Кто ты?

Юй Инъэр так испугалась, что тут же опустилась на колени, её голос дрожал:

— Отвечаю Императору: я — служанка, что прислуживает в саду, по фамилии Юй.

Юнчжэн услышал её звонкий голос и решил, что это просто служанка, молящаяся в саду. В эту ночь он тосковал по Чуньюань и сразу произнёс:

— А ты, оказывается, умеешь чувствовать. Вставай.

Он сделал знак Су Пэйшэну, следовавшему за ним:

— Уведите её, присвойте ранг официальной наложницы, поселите во Дворце Чжунцуй.

Юй Инъэр была удивлена и обрадована, она кланялась в ноги, благодаря за милость. За одну ночь из обычной служанки она превратилась в новую любимицу Императора.

А Чжэнь Хуань, запертая в подсобке, не знала об этом ни слова.

Наутро стражники «выяснили» личность и вежливо выпустили её. Чжэнь Хуань вернулась в Беседку Осколков Нефрита, считая, что ей просто не повезло наткнуться на суровый дозор.

Во Дворце Яньси старуха вернулась с докладом, в подробностях пересказав, что произошло в саду.

Ань Линжун держала книгу, кивнув, её взгляд оставался спокойным, без малейшей тени волнения.

— Понятно. Иди.

Чжэнь Хуань не встретила с Императором, Юй Инъэр заняла её место, и эта встреча, которая должна была изменить судьбу Чжэнь Хуань, была ею предотвращена.

После случая в Саду Мэй Юй Инъэр из простой служанки в одночасье стала официальной наложницей, окружённой вниманием Императора, и через несколько дней была возведена в ранг наложницы-даньи.

Будучи раньше простой прислужницей, получив власть, она стала высокомерной, повсюду ходила в окружении слуг, одевалась согласно рангу наложницы, задирала нос и помыкала прислугой всех дворцов.

Внутреннее ведомство, как всегда, лебезило перед сильными, и, видя благосклонность Императора, осыпало её дарами, отправляя всё лучшее во Дворец Чжунцуй.

В гареме всегда почитали сильных и топтали слабых. Чем ярче блистала Юй Инъэр, тем печальнее выглядела Беседка Осколков Нефрита.

Чжэнь Хуань после того, как была заперта стражниками в новогоднюю ночь, стала замкнутой и угрюмой.

И без того больная, страдающая от урезания жалования, теперь, видя славу Юй Инъэр, она замкнулась в себе, целыми днями смотрела в пустоту, даже лекарства не хотела пить.

Лючжу, видя, как хозяйка чахнет, с болью в сердце посоветовала:

— Госпожа, сидеть в покоях — не выход. В саду позади дворца тихо, пусть Сяо Юньцзы сделает качели, сходите, прогуляйтесь, чтобы хоть немного развеяться.

Сердце Чжэнь Хуань дрогнуло.